Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ I-2 (9)
2012

**Рассоха М. Н.**
**M.N.Rassokha**

# К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА: ФУНКЦИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ

# ON THE ISSUE OF LANGUAGE FUNCTIONS: IDENTIFICATION

**Рассоха Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: mrassokha@gmail.com
**Ms. Marina N. Rassokha –** PhD in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, the School of Regional and International Studies, the Far Eastern Federal University (city of Vladivostok). E-mail: mrassokha@gmail.com

**Аннотация.** Статья рассматривает вопросы выявления и определения функций языка преимущественно в двух ракурсах: с точки зрения языковой системы и в перспективе речевой деятельности. Наряду с традиционно выделяемыми функциями языка – коммуникативной, когнитивной и эмоциональной предлагается обзор и критический анализ спорных вопросов содержания и статуса целого ряда других функций языка. Обосновывается теоретическая значимость выделения функции идентификации, содержание которой определяется свойством языка маркировать лингвокультурную принадлежность индивидуумов и коллективов.

**Summary.** The paper examines the issues of determining language functions primarily from two perspectives: a system approach and discursive interpretation. An overview of traditional functions – communicative, cognitive and emotional is provided along with critical analysis of the content and status of a number of other language functions. The author argues the importance of distinguishing one more language function and suggests a term for it – “identification”. In this function language marks and translates cultural-linguistic identity of speakers and speech communities.

**Ключевые слова:** функции языка, функции языка и речи, функция идентификации, лингвокультурная идентичность

**Key words:** language functions, language and speech functions, identification function, cultural-linguistic identity

УДК 801:001.8

Сущность и природа языка, как известно, выражаются в его функциях. В специальной литературе, как показывает даже беглый обзор, выделяется разное количество функций – от двух-трех до двадцати пяти, при этом их часто подразделяют на функции языка и речи. Приходится признать, что до сих пор разнообразие подходов и несходство точек зрения составляют существенный момент в определении функций языка (см. прим. 1). По этому поводу следует согласиться с А.В. Оляничем в том, что проблема выделения самих функций языка, их количества и назначения может быть отнесена к «вечным проблемам» языкознания [10,158].

В репертуаре функций языка нередко выделяют так называемые базовые функции. Кроме эмоциональной, к ним относят коммуникативную и когнитивную, называя их главнейшими функциями [7]. Действительно, две стороны одного процесса трудно разъединить: в целом общение людей в языковом коллективе тесно связано с познавательной активностью, через общение также аккумулируется опыт общественной и личной практики. Это обусловливает достаточно сложное содержание базовых функций, что отражается в терминоло-

Материал поступил 25.01.11

гической неоднозначности. К примеру, в лингвистической литературе когнитивную функцию также называют кумулятивной, гносеологической, познавательной, иногда экспрессивной и так далее [1; 4; 7; 9; 10; 12]. При этом акцентируется, с одной стороны, свойство языка сохранять и передавать накопленный гносеологический опыт языкового коллектива в виде систем значимых единиц, с другой, участвовать в речемыслительных процессах и операциях. В этой связи обращается внимание на общественную значимость языка, на общественный характер его функций: « …язык обладает общественными функциями, и сколько бы функций у него не было, все они имеют общественный характер…» [1, 33-34].

Кроме коммуникативной, когнитивной и эмоциональной многие авторы к главным функциям также относят и метаязыковую функцию [7]. Отнесение метаязыковой (металингвистической) функции к функциям языка первого порядка, т.е. базовым, на наш взгляд, довольно спорно. Данная функция, как известно, заключается в способности языка являться «средством исследования и описания языка в терминах самого языка» [7, 564] или, по словам Н.Б. Мечковской, в комментировании использования языка в речевой деятельности [9, 20]. Однако в такой трактовке эта функция по сравнению с другими базовыми функциями достаточно узкоспециальна. Если рассматривать язык в качестве системы знаков, обслуживающей социокультурную деятельность людей, то очевидно, что язык также используется для описания и исследования не только самого себя, но и любых других феноменов действительности. И в каждом случае средствами языка создается свой метаязык, свой терминологический аппарат для изучения и описания того или иного общественного института или явления. В узком же смысле – использование языка в качестве метаязыкового комментария – данная функция сводима скорее к стратегии общения и в основном выражается в явлении водности (*так сказать, собственно говоря …*), и шире – модальности (*необходимо подчеркнуть*). Таким образом, представляется нецелесообразным относить металингвистическую функцию к базовым. Она, скорее, в данной трактовке является разновидностью когнитивной функции, используемой для исследования и описания явлений действительности, в том числе самого языка. Сходную позицию отмечаем также в работе В.Б. Кашкина, указывающего, что металингвистическая функция является не столько функцией языка, сколько частью деятельности его носителя [3]. Этот автор также подчеркивает, что выделяя метаязыковую деятельность, мы, разумеется, говорим лишь об одном из аспектов языковой деятельности и человеческой деятельности в целом [3].

Помимо того, что функции языка рассматриваются исходя из его системных свойств, из «лингвоцентрической модели коммуникации» [10, 158], в целом в ряде работ известны также попытки представить соотношение функций языка и речевого акта [9; 10; 12]. Данный ракурс, предложенный Р. Якобсоном, позволяет показать функционирование языка в речевой действительности, в самом акте использования языка [13]. При этом отметим, что разделение на функции языка и речи в этом свете представляется условным, как и само деление на язык и речь, как известно, является теоретическим построением, необходимым, впрочем, для лучшего понимания сущности и природы языка. Тем не менее, проекция функций языка на речевую деятельность позволяет провести их более детальное описание и систематизацию и, в конечном итоге, выявить содержание того, что мы понимаем под главнейшей коммуникативной функцией. Так, с компонентами речевого акта – адресантом, референцией, сообщением, контактом, кодом и адресатом (структура коммуникативного акта по Р. Якобсону) – связана актуализация ряда функций. Например, участники коммуникации адресант и адресат могут реализовывать такие функции, как: *апеллятивную* (призывно-побудительную, конативную или регулятивную), заключающуюся в обращении к адресату с целью побуждения его к восприятию речи; *эмоциональную* (эмотивную по Р. Якобсону), передающую эмоциональное состояние говорящих; *контактоустанавливающую* (социативную, фатическую), создающую общее единое коммуникативное пространство говорящих и укрепляющую контакт между ними. При этом речевой акт в целом реализует коммуникативную и гносеологическую функции, которым подчинены вышеназванные функции речи, таким образом, их, в ко-

нечном счете, «можно рассматривать как особые частные проявления основной функции языка – коммуникативной» [7, 565; 9, 15].

Необходимо подчеркнуть, что при таком подходе содержательное и терминологическое деление функций языка на «базовые» и «частные» представляется целесообразным и не противоречащим делению на функции языка и речи. Так, коммуникативная, когнитивная и эмоциональная функции относятся к базовым первичным. Частными или производными от коммуникативной функции будут, например, апеллятивная, фатическая и некоторые другие, обеспечивающие успешное протекание коммуникативной деятельности. С когнитивной соотносятся: функции овладения социокультурным опытом, номинации нового опыта с помощью языковых знаков, аксеологическая, заключающаяся в оценке явлений действительности, и другие. Эмоциональная функция, соответственно, связана с модальной функцией и эстетической (поэтической). Последняя, выделяемая как функция речи, выражает отношение к языку как эстетическому объекту и обращает внимание, прежде всего, на благозвучие, красоту фигур речи, точность и искусность рифм, художественную ценность языкового произведения в целом [7, 564; 9; 12]. Очевидно, что вышеперечисленные функции языка в неодинаковой степени могут реализовываться в речевой деятельности, они часто дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом. Заключая, отметим, что выделение частных или производных функций представляется целесообразным, так как, «разложив» коммуникативную функцию на отдельные составляющие, мы можем вскрыть сложный многоаспектный характер коммуникации.

В целом акцент на использовании языка в речевой деятельности и выделение достаточно большого количества языковых функций обусловлены глубоким интересом к функционированию языка, что проявилось в развитии лингвистического функционализма в XX веке [2]. Последний позволил лингвистам сосредоточиться на функциональной стороне многих языковых единиц и структур, их роли в коммуникации и, в целом, в новом свете подойти к функциям языка (см. прим. 2). Проблема функций языка, подчеркивает Н.А. Слюсарева, вызывает особый интерес в связи с *расширением сфер изучения языка в действии* (выделено нами), особенностей разговорной речи, функциональных стилей, лингвистики текста и т.д. [7, 565].

В связи с «новыми попытками построения антропоцентрической модели коммуникации» [10, 158], особенно важно, как представляется, обратиться к проблеме функций языка с точки зрения *коммуникативного взаимодействия с целью лингвокультурного (само)определения и позиционирования*. Признается, что коммуникативная деятельность человека и его язык напрямую связаны с идентификацией его самого и коллектива, к которому он принадлежит: «язык является наиболее распространенным способом идентификации человека» [16, 57]. Введение в качестве параметра коммуникации такого показателя, как идентичность коммуникантов, подводит к выявлению и определению новой функции языка – *функции идентификации*.

Исходя из того, что функция языка – это «проявление его сущности, его назначения и действия в обществе» [7, 564], сущность и содержание функции идентификации, как очевидно, состоят, с одной стороны, в выделении и отождествлении человека через его индивидуальное использование языка, с другой, в определении средствами языка лингвокультурной уникальности сообщества в целом. Иными словами, именно язык является инструментом выражения индивидуальной и коллективной идентичности, и именно в языковой коммуникации формируются и транслируются разного рода идентичности.

Следует подчеркнуть, что на данное назначение языка неоднократно обращали внимание лингвисты. Э. Сепир был одним из первых, указавших на свойство языка идентифицировать индивидуумов и группы людей в языковом и культурном плане. Характерно, что это свойство рассмотрено им в разделе, посвященном языковым функциям. При этом автор не дает терминологических наименований функциям языка, определяя их в общем как «первичные» и «производные» [11, 231]. В качестве первичных функций называется – достаточно

обобщенно – употребление языка в сферах общения, мышления и выражения чувств. В то же время указывается, что особый интерес для исследователей общества представляют производные от них функции, а именно роль языка в социализации членов общества и, во-вторых, сохранение языком культуры [11, 231]. Сепир, таким образом, приближается в своих рассуждениях к тому, что мы определяем как функцию идентификации. Так, прежде всего, он обращает внимание на язык как фактор социализации, отмечая, что «обычная речь выступает в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке» [11, 232]. Справедливо подчеркивая психологическую значимость принадлежности к языковому коллективу (семье, школе, профессиональному союзу и т.д.), Сепир указывает на свойство языка (речи) «выполнять символическую функцию выделения данной группы из более обширной группы. <…>Это инстинктивно чувствуется большинством людей: “Он говорит как мы” равнозначно утверждению “Он один из наших”» [11, 232]. Наряду со свойством языка выделять языковой коллектив, т.е. действовать «как социализующая и унифицирующая сила», автор также указывает и на роль языка выделять индивидуума из его языковой группы [11, 231]. Язык отождествляет индивидуума на основе таких характеристик, как особенности звучащей стороны речи, характер и объем словаря и его качественное содержание, строение предложений, языковые привычки и пр. Таким образом, примеры и рассуждения этого выдающегося лингвиста, по сути, указывают на свойства языка вербально позиционировать и репрезентировать языковые группы, а также дифференцировать его членов, что соотносимо с функцией языка, которую мы предлагаем называть идентифицирующей.

Впоследствии на свойство языка выражать индивидуальную и групповую идентичность неоднократно указывалось в специальной литературе. Так, Н.А. Слюсарева пишет, что есть «функция х р а н е н и я и п е р е д а ч и (разрядка автора) национального самосознания, традиций культуры и истории народа» [7, 564]. Она также не дает названия этой функции, относя ее к частным, производным функциям, совмещающимся с коммуникативной функцией.

Среди названий функций языка и речи встречается также термин «этническая функция» [1; 9]. В частности, Н.Б. Мечковская, выделяя этническую функцию, считает ее неуниверсальной в отличие от других функций языка. Автор пишет: «Этноконсолидирующая функция является во многом символической, она создается не употреблением языка, а о т н о ш е н и е м (разрядка автора) людей к языку, национально-культурной идеологией» [9, 24].

Здесь предлагается слишком узкое понимание роли языка в идентификационных процессах языкового сообщества. Следует учитывать, что, во-первых, именно с помощью языка создаются дискурсы, означивающие социокультурную уникальность сообщества в целом, в основе которых лежит отношение людей к себе и другим и к языку (и здесь автор права) в том числе. И, во-вторых, язык данного этнического объединения транслирует не только этническую, но и другие виды идентичности. Более того, языком идентифицируется не только этнос или этнические группы внутри него, но и другие языковые группы и коллективы в пределах одного этноса, объединенные и маркированные специальным языком на основе территориальной, профессиональной, социальной, гендерной, религиозной общности и т.д. Например, речь можно вести о региональных вариантах одного языка, указать на наличие городских койне и т.п. Исходя из социолингвистических параметров, можно также назвать детский секретный язык, воровской жаргон, язык профессиональных сообществ и т.д.

Более правомерной в этом вопросе представляется точка зрения Ю.С. Маслова, полагающего, что функция указания на принадлежность к языковому коллективу, напротив, имеет особую значимость. По его словам: «Особое место занимает функция индикатора (показателя) принадлежности к определенной группе людей (к нации, народности, к той или иной профессии и т. д.). В случае сознательного использования этой функции она превращается в своеобразное средство самоопределения индивида в обществе» [8]. Подчеркнем важный мо-

мент сознательного использования данной функции, проявляющегося в намеренном отборе языковых средств самоопределения коллективов и индивидов. Кроме того, обратим внимание на то, что и здесь терминологически данная функция не определена.

Разработка новых парадигм лингвистических исследований довольно часто приводит к иному осмыслению известных науке функций языка, к выявлению новых языковых функций. Так, например А.В. Олянич, исследуя язык в свете антропоцентрического подхода, выявил и обосновал статус особой языковой функции – презентационной [10]. В основе выделения данной функции лежит концепция «социальной драматургии» И. Гоффмана (см. прим. 3). Основное назначение данной функции, по мнению автора, заключается в том, что у говорящих имеется потребность в самопрезентации, которая реализуется как попытка создания у партнера истинного или ложного преставления о себе. С целью воздействия на партнера по коммуникации говорящим задействуются определенные языковые элементы. Иными словами, говорящий «формирует цепь эффективных лингвосемиотических моделей своего речевого поведения» [10, 168-169]. Однако, очевидно, что язык выполняет функцию идентификации говорящих не только в этом, но и в более широком смысле. Он отождествляет их и без намеренного с их стороны коммуникативного усилия, только лишь благодаря наличию у них языка и благодаря присутствию в нем конвенциальных структур, указывающих на принадлежность говорящего к лингвокультуре в целом. Таким образом, несмотря на то, что в специальной литературе имеются попытки выявить функцию языка, указывающую на лингвокультурную принадлежность говорящих – индивидуумов и коллективов, т.е. функцию выражения идентичности, до сих пор нет ясности относительно ее содержания и терминологического обозначения.

Исходя из того, что язык является способом присутствия человека в мире, способом оповещения о своей группе/своем сообществе и о себе, то есть о своей идентичности, мы полагаем, что при рассмотрении указанных выше функций, обобщая их, следует вести речь об *идентифицирующей функции языка*. Эта функция языка проявляется практически в любом коммуникативном акте. Брок и Тулашевич подчеркивают, что именно язык являет свою силу в качестве элемента идентификации: «language proves its strength as an identifying element» [14, 2]. Действительно, индивидуумы и группы создают дискурсы для выражения своей национальной, профессиональной, возрастной и других идентичностей, которые маркируют их как единый языковой коллектив.

Оставляя в стороне индивидуальные языковые особенности говорящего, транслирующие его идентичность (см. прим. 4), обратимся к проявлениям групповой идентичности и проиллюстрируем ее выражение средствами языка. Реализация функции идентификации видна, в частности, в том, как, например, языковая группа отождествляет себя со своим языком (языками или их разновидностями), с репертуаром определенных вербальных средств. Именно эта совокупность средств языка и будет указывать на лингвокультурную принадлежность коллектива, выделяя его на фоне остальных групп пользователей языка. Можно привести многочисленные примеры, иллюстрирующие данный тезис. В антропологических работах, к примеру, приводятся нередкие случаи использования специального отдельного языка для общения с миссионерами или другими племенами и нежелание (или запрет) говорить на внутригрупповом языке с чужаками. Также данные исследований многих социолингвистов могут быть использованы в качестве яркой иллюстрации идентифицирующей функции языка. Приведем лишь один характерный пример, описанный П. Траджиллом со ссылкой на У. Лабова. Последний отметил, что на острове Martha's Vineyard, находящемся рядом с Новой Англией, присутствуют два типа произношения ряда дифтонгов – традиционное (скорее старомодное) и более позднее, близкое к произносительной норме северо-востока США. Первое воспринималось жителями как менее престижное, и среди островитян наметилась тенденция все чаще прибегать к новому произношению. В 1960-е годы остров стал популярен среди огромного числа отдыхающих из континентальных США, что вызывало в целом недовольство островитян, которые видели в этом угрозу своему жизненному укладу.

Идентифицируя себя как *единый и отдельный языковой коллектив*, противопоставленный приезжим, жители острова, и – что характерно – особенно представители молодого поколения, массово стали возвращаться к традиционному произношению [17, 12—13].

Данный пример является крайне показательным в плане проявления языковой функции идентификации. Именно язык наиболее ярко маркирует групповую солидарность, сообщает об лингвокультурных отличиях своего сообщества от чужого. Именно в этой функции язык стремится устанавливать границы (и барьеры) группы, социума, этноса, четко обозначая «своих» и «чужих». Таким образом, в самом общем представлении идентифицирующая функция языка служит для выделения индивидуума или группы/коллектива, для номинации его особых свойств и характеристик.

Следует подчеркнуть, что функция идентификации в плане указания на принадлежность к языковому коллективу без труда иллюстрируется обширным языковым материалом. Язык как способ самоорганизации общества, установления границ коллектива, говорящего на одном языке, вырабатывает конкретные средства самоотождествления своего языкового сообщества и его представителей.

Обосновывая существование данной функции можно привести давно известный в лингвистике факт прочной когнитивной ассоциации, реализуемой архетипом «народ – язык». Действительно, в самых разных языках находим лексические единицы, являющиеся результатом идентификационного акта называния себя и другого с позиции своего языка. Так, известный аллоэтноним *немцы* собственно означает неспособность говорить на «нашем языке». Также часто ссылаются на греческое *barbarous*, которое использовалось греками для обозначения народов, не говоривших по-гречески. В представлениях греков язык других был груб, неблагозвучен и непонятен: *barbarous*. Устанавливаемая этимологическая параллель греч. *bárbaros* с санскритским *barbaras* “stammering” [15, 74] указывает на то, что при определении одним народом другого народа в первую очередь выделялась его языковая характеристика.

Древний синкретизм значений «язык» и «народ», проявляющийся в слове *язык* известен языкам и других семей: финно-угорским, турецкому, некоторым языкам Африки [9, 89]. В славянском мире напрямую связывается язык и говорящий на нем народ через отождествление народ = язык. В.В. Колесов указывает, что «соседи славян, иные племена, называются словом *языци*, ибо говорят они иначе, не по-славянски» [5, 23]. Для своих существует наименование *роды*, т.е. актуализируется такая черта, как кровное/этническое родство. «Но вот что любопытно: слово *родъ* употребляется только по отношению к своим. Стоило появиться легенде о «призвании варягов» на Русь, как и варяги стали «своими», и у них появились «роды». Всех прочих называли: *языци*, *иноземцы*, *тъземци* (той земли жители)» [5, 23-24]. Такие словоупотребления говорят о многом и позволяют судить об основаниях древней языковой и социокультурной идентификации: род как индикатор принадлежности для «своих», язык – для других. Таким образом, при характеристике другого народа уже не отношения родства, а опять же язык становится различающим идентификационным признаком.

В самом деле, язык один из главнейших ключевых признаков этноса, служащий его консолидации и сохраняющий его культурную самобытность. Дихотомия «народ – язык» свидетельствует о «тесной связи этих понятий в сознании людей: один народ – это те, кто говорит на одном языке, а язык – это то, на чем говорит народ, он объединяет народ и отличает его от других народов» [9, 89].

В свете функции языка идентифицировать коллективы говорящих следует проинтерпретировать и наличие в языке лингвонимов, названий языков и диалектов, соотносимых с этнонимами. Тот факт, что лингвонимы *коррелируют* с этнонимами, свидетельствует о тесной связи языка и народа, об отождествлении народа со своим языком: *The English* speak *English*. *Русские* говорят на *русском* и т.п. И даже в том случае, когда разные народы пользуются одним языком (но на самом деле его самостоятельными региональными вариантами),

данные варианты, как правило, получают название, эксплицирующее ту же смысловую модель *народ = язык*, например, американский, канадский, австралийский, новозеландский и т.д. варианты английского языка. Действительно, языковые сообщества – от крупных энтосов до небольших профессиональных групп – приспосабливают и те языки, которые обслуживают несколько социумов. При этом возникают локальные варианты и языковые разновидности для выражения *собственного* опыта, *своего* мировидения, *своего* социального поведения со своими языковыми привычками.

Резюмируя сказанное, также отметим, что существенным в характеристике функции идентификации является то, что ее можно интерпретировать и в терминах функций языка, и как функцию речи. Язык, существующий как система знаков, как семиотический код, которым пользуется определенный коллектив, обладает данной функцией лингвокультурного отождествления языкового сообщества в целом. В речевой деятельности язык также маркирует лингвокультурную принадлежность говорящего, прежде всего, через его языковые действия. Если бы язык не обладал функцией идентифицировать, то мы бы просто не могли определять лингвокультурную принадлежность собеседников.

Подводя итоги рассуждениям о функциях языка, следует еще раз подчеркнуть, что интерес к функциональности в современной лингвистике не случаен. Он обусловлен, в первую очередь, разработкой новых парадигм исследований языка и коммуникативного поведения индивидуумов и коллективов, что заставляет по-новому осмыслить известные науке языковые функции, выявить либо их новые аспекты, либо предложить и описать новые функции. Отсюда – относительно частая инвентаризация функций языка, уточнения их содержания и сфер применения.

Предлагаемая в данной статье идентифицирующая функция языка обладает своей эвристической значимостью именно при исследовании роли языка в коммуникации. Назначение этой функции – использование языка для формирования и выражения языковой и культурной идентичности индивидуумов и групп, обеспечение их социокультурного взаимодействия. Идентифицирующая функция крайне важна для человека для определения своего места в мире, осознания особенностей своего социума, установления наиважнейших референтных связей в идентификационных процессах. Целесообразность включения функции идентификации в репертуар языковых функций обусловливается интересом к феномену идентичности, имеющему яркие проявления в речевой деятельности.

Таким образом, введение и обоснование той или иной функции языка оправдывается целями конкретного исследования и применяемым подходом. Нельзя не согласиться с Е.С. Кубряковой в том, что « чем больший объем свойств и функций языка, чем большее число его сторон, аспектов и т.п. будет адекватно описано, какие бы науки не участвовали в этом процессе, это все равно идет на пользу дела и совершенствует наши представления о таком сложном феномене, как язык» [6, 46].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 275 с.
2. Демьянков, В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века. Режим доступа: http://www.infolex.ru/Func.htm
3. Кашкин, В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. – Воронеж, 2002. Режим доступа: http://tpl1999.narod.ru/WEBTPL2002/KACHKINETPL2002.HTM
4. Кодухов, В. И. Введение в языкознание / В. И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
5. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 312 с.

6. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-47.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
8. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание. Режим доступа: (http://www.classes.ru/rammar/120.Maslov/html/topic_4.html)
9. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: учеб. пособие для студентов гуманит. вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
10. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
11. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э. Сепир; пер. с англ. и под ред. проф. А. Е. Кибрика. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – 655 с.
12. Соломоник, А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М.: «Молодая гвардия», 1995. – 352 с.
13. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. – М., 1975. – С. 193-230.
14. Brock, C. & Tulasiewicz, W. The Concept of Identity: Editors' Introduction // C. Brock & W. Tulasiewicz (Eds.). Cultural Identity and Educational Policy. London and Sydney: Croom Helm, Ltd. 1985. – 350 p.
15. Onions, C.T. The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C.T. Onions et al. Oxford: Oxford University Press. 1985. – 1024 p.
16. Spolsky, B. Sociolinguistics. Oxford, Oxford University Press. 2001. –128 p.
17. Trudgill, P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. Fourth Edition, London: Penguin Books, 2000. – 222 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, интерпретации разных функций языка и сопутствующие им терминологические разночтения находим в работах В.А. Аврорина, Н.Б. Мечковской, В.И. Кодухова, А.В. Олянича, А. Соломоника и других авторов, цитируемых в данной статье.
2. В работе В. З. Демьянкова, например, описывается полифункционализм как естественный языковой феномен и приводятся десятки функций языка [2]. Автор достаточно доказателен, справедливо полагая, что в основе выявления функций должен лежать телеологический принцип.
3. Концепция «социальной драматургии» основывается на сценарности коммуникативного поведения и рассматривает ритуал, игру, драму и др. в качестве форм сохранения социального порядка.
4. Вне всякого сомнения, индивидуальная и коллективная идентичности взаимообусловлены: в любом «я» репрезентируется «мы», что отражается и средствами языка. Вербальное выражение индивидуальной идентичности содержит компонент общего.